

РЯДОВЫЕ КООПЕРАТОРЫ И СУДЬБЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ*

Алексей Яковлевич ДУРНЕВ,
кандидат исторических наук, первый
проректор Дальневосточного госу-
дарственного аграрного универси-
тета, г. Благовещенск.

Светлана Михайловна СТАСЮКЕВИЧ,
кандидат исторических наук, директор
Института гуманитарного образования
Дальневосточного государственного аг-
рарного университета, г. Благовещенск.
E-mail: svetasms@freemail.ru

В статье показано противоборство рыночных и административных сторон в функционировании кооперации в годы новой экономической политики (нэп), раскрыты целенаправленные усилия государства по установлению контроля над деятельностью кооперации в конце 1920-х гг.

Ключевые слова: новая экономическая политика, кооперация, аграрный рынок, хлебозаготовки, репрессии, государство, монополия.

COMMON COOPERATORS AND NEW ECONOMIC POLICY

A. Yak. Durnev. Cand. Sc. (History), Vice-President of the Far Eastern Agrarian University, Blagoveschensk.

S. M. Stasyukovich. Can. Sc. (History), President of the Humanities Studies Institute, Far Eastern Agrarian University

The article reveals confrontation between the agrarian market system called cooperation and Soviet government regulators during New Economic Policy (NEP) in the early 1920s in Russia and the government-imposed control and restrains on cooperation at the end of 1920s.

Key words: New economic policy, cooperation, agrarian market, grain procurement, repressions, state, monopoly

В современной российской исторической науке утвердилось представление о нэпе как об особой противоречивой социально-экономической системе, сочетающей в себе противоборствующие рыночные и административные стороны [1]. Несмотря на преобладание мнений о слабости рыночных начал в нэповский период, изначальноном крене в сторону командно-административных методов управления и «обречённости нэпа как

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00471а.

линии экономической политики», это даёт возможность проведения исследований рыночных институтов в условиях новой экономической политики. Институты в понимании современной экономической теории и социологии — это «...правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [2, с. 73].

В 1920—1930-х гг., когда шёл процесс ломки старой и формирования новой системы социальных отношений, государственная политика была направлена на ликвидацию рыночных институтов, однако в реальности происходило их видоизменение, превращение в скрытые, «квазирыночные» правила, механизмы и нормы. Этот процесс подметил Г. Федотов. Характеризуя процесс становления сталинской социально-политической системы, он писал: «Сталин ощупью, инстинктивно повторяет ставку Столыпина на сильных. Но так как не частное, а государственное хозяйство становится новой ареной конкуренции, то Сталин создаёт новый служилый класс, или классы над тяглым народом, повторяя ещё более отдалённый опыт Московского государства. Жизненный опыт показал ему слабую сторону крепостного социализма — отсутствие личных эгоистических стимулов к труду. Сталин ищет социалистические стимулы конкуренции, соответствующие буржуазной прибыли» [3, с. 286].

В обществе 1920-х гг. в полной мере сохранялась потребность действовать в рамках рыночных моделей поведения, которые были характерны не только для частных предпринимателей, индивидуального крестьянства, но и для работников государственно-кооперативного сектора. Так, в ходе заготовительных кампаний разворачивалась острая конкуренция между государственными и кооперативными заготовителями сельскохозяйственной продукции.

Интересы эффективного ведения дела нередко требовали привлечения в кооперативные и государственные предприятия опытных и предприимчивых работников, что противоречило убеждениям партийного руководства, стремившегося через расстановку лояльных кадров к полному контролю над экономической деятельностью. В октябре 1923 г. кооперативная секция Приморского губкома ВКП(б), отметив, что в губсоюзе кооперативов много «чуждого» элемента, постановила «пересмотреть» весь технический аппарат сотрудников губсоюза, которые принимали сырьё от крестьянства в счёт сельхозналога [ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 215. Л. 15 об.]. В мае 1924 г. секретарь Благовещенского уездного комитета партии Жуканов в закрытых письмах ДБ и ЦК ВКП(б) приводил факты сотрудничества кооперации, государственных организаций — Госсельсклад и Дальселькред — с людьми, чуждыми, по его мнению, советской власти. В Гильчинской волости членом правления кооператива и одновременно комиссионером Госсельсклада являлся некто Змиев. Местная ячейка дала согласие на его назначение, несмотря даже на то, что Змиев был руководителем баптистской общины. В с. Константиновке комиссионером Госсельсклада работал бывший «начальник колчаковского штаба» Алексеев, имевший деловые связи с купцами Хабаровска и Владивостока. На все протесты секретаря укома против присутствия в Госсельскладе и Дальселькред «чуждых» элементов заведующие Благовещенскими отделениями этих организаций отвечали, что

благодаря этим людям дела налаживаются и заменить их некем. «Как в кооперации, так и в Селькреде, Госсельскладе, видно, ещё держатся правила — взять такого, который если и себе возьмёт, то уж дело наладит и хозяину барыш даст. А на местах в корне подрывают авторитет организации и учреждения», — констатировал Жуканов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 14. Л. 90].

Очевидно, что в годы нэпа именно кооперация была той структурой, где, с одной стороны, стремились найти себе применение деятельные представители «старого мира», а с другой — реализовать свой предпринимательский потенциал выходцы из простого народа. Нередко инициаторами создания кооперативов выступали сами крестьяне. Кооператив в с. Славянке Троицкой волости организовал в 1922 г. местный крестьянин Дьяченко. Крестьянам Славянки бывший Кооперативный банк остался должен за уже поставленную рыбу 668 р. Дьяченко на свой страх и риск, не спросив согласия односельчан, купил на эти деньги товар и открыл лавки. Вскоре кооператив взял в свои руки рыбные заготовки. И крестьяне, повозмущавшись вначале самоуправством Дьяченко, почти всей деревней вступили в кооператив [ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 164. Л. 143]. Инициаторами организации кооперативов в своих селениях были амурчане П.А. Аверичев, председатель Ларинского селькресткома Рухловского района Зейского округа, и житель села Пузино Екатерино-Никольской волости И.О. Богомягков [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 83. 133].

В середине 1920-х гг. деятельность кооператоров, как членов партии так и беспартийных, оказывала немалое влияние на развитие крестьянского хозяйства. Например, под влиянием кооперации изменило специализацию старожильческое село Хороль, раньше активно занимавшееся хлебопашеством. В начале 1920-х гг. в Приморье выдалось несколько неурожайных лет: недород традиционных культур пшеницы и овса заставил крестьян увеличить производство культур, пользовавшихся спросом на рынке. Хорольцы стали разводить лён. Опыт оказался не совсем удачным: спрос на лён вскоре упал. А после этой культуры стало невозможно производить традиционные зерновые: лён испортил землю. В результате посевы хорольцев сократились почти на 400 десятин. Чтобы выжить, крестьяне стали заниматься скотоводством. К 1925 г. поголовье молочного скота в селе увеличилось на 145 голов, рабочего — на 127 голов. Большую роль в этом сыграла кооперация, обеспечившая крестьян племенным скотом и хорошо организовавшая сбыт молочных продуктов [РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 646. Л. 23—24].

Однако ведущей тенденцией развития кооперации в условиях нэпа стало не поощрение экономической инициативы населения, а огосударствление и превращение кооперации в часть заготовительно-распределительного аппарата. С 1923 г. на Дальнем Востоке основные усилия и сельскохозяйственной, и потребительской кооперации были направлены на участие в хлебозаготовках. До 1926 г. кооперативная сеть обеспечивала выполнение 70—80% заготовительного плана. В конце 1920-х гг. ключевые позиции на региональном хлебном рынке были поэтапно закреплены за государственным предприятием «Союзхлеб», но и роль кооперации оставалась немалой — две трети хлебозакупа проходило по её сети. Во Владивостокском округе право хлебозаготовок было предоставлено только потребительской (Далькрайсоюз) и сельскохозяйственной (Дальсельсоюз) кооперации.

Монополизируя хлебный рынок, государство ужесточало контроль за партийными, советскими, кооперативными работниками, ответственными за организацию заготовок. Давление на заготовительный аппарат, многократно возросшее в ходе кризисов конца 1920-х гг., стало одним из инструментов концентрации хлебных ресурсов государством. Нажим на рядовых заготовителей увеличился в начале кампании 1927—1928 гг., когда принудительные меры в отношении крестьянства практически не применялись. На Дальнем Востоке решения о проверке хлебозаготовительной деятельности Далькрайсоюза секретариат Далькрайкома ВКП(б) принимает в ноябре—декабре 1927 г. [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 97. Л. 142 (б)]. В первую очередь была ужесточена ответственность низового аппарата за соблюдение директивных цен и установленных правил покупки крестьянского хлеба. В случае выявленных нарушений виновные наказывались штрафами и предупреждениями. После третьего нарушения следовало закрытие ссыпного пункта и увольнение заведующего. В целом по стране, по свидетельству В.А. Ильиных, репрессии сотрудников заготовительной сети приобрели в первую половину кампании столь значительные масштабы, что Наркомторг РСФСР вынужден был осадить активность местных органов. Работники низового аппарата оказались настолько запуганы, что всякая коммерческая деятельность с их стороны прекратилась и из «советских купцов» они превратились в простых приёмщиков хлеба» [10, с. 216].

На Дальнем Востоке в 1927—1928 гг. первоначально хлебозаготовительный план был увеличен в 1,8 раза по сравнению с предыдущим годом. Несмотря на это, ход заготовительной кампании в сентябре—декабре 1927 г. не вызывал никаких опасений Далькрайкома ВКП(б) и окружкомов партии, которые отмечали удовлетворительное выполнение планов хлебозакупа и опасались обострить отношения с деревней [ГААО. Оп. 1. Д. 223. Л. 1—2].

Подходы местной власти к проблеме хлебозаготовок резко изменились в самом начале 1928 г. под влиянием новых установок центра. 24 декабря 1927 г. всем партийным организациям страны была направлена директива ЦК ВКП(б) с требованием сконцентрировать усилия, чтобы обеспечить перелом в ходе заготовок. В регионы для контроля над реализацией директив центра отправлялись уполномоченные ЦК и СТО (Совет труда и обороны), наделённые широкими правами вмешательства в деятельность местной власти [8, с. 219—220]. Информационные сводки в ЦК, составленные в том числе и по материалам Амурского, Владивостокского, Читинского окружкомов и Далькрайкома ВКП(б) за январь—март 1928 г., свидетельствуют, что применение чрезвычайных мер в ходе хлебозаготовок вызвало неоднозначную реакцию рядовых коммунистов. С одной стороны, некоторые деревенские парторганизации слишком быстро перешли к военно-коммунистическим методам проведения хлебозаготовок. В адрес крестьянства стали обычными угрозы («мы вам припомним 1918 г., заткнём глотку»), вызовы на допросы и даже избиения. С другой — среди отдельных коммунистов на селе довольно широко распространились настроения, характеризующиеся партийным руководством как «хвостистские». Люди отказывались от сдачи излишков зерна, высказывали отрицательное отношение к нажиму на кулаков, не выступали на собраниях и сходах,

посвящённых самообложению и займам [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 125. Л. 10]. По сути, это был молчаливый отказ части рядовых членов партии от поддержки нажима и участия в нем. По мнению властей, до «скольконибудь массовой репрессии и применения чрезвычайных мер» в дальневосточной деревне в 1927—1928 гг. дело не дошло. В конъюнктурном обзоре ДВК отмечалось, что «107 статья была приведена в действие по краю всего 104 раза, причём большая часть приходится на второе полугодие, когда нужда в хлебе подгоняла энергию мест в извлечении хлеба» [РГИА ДВ. Ф. Р-241. Оп. 4. Д. 1225. Л. 55].

Судебные преследования в первую очередь обрушились на амурское крестьянство: по данным амурского окружного суда к июлю 1928 г. по ст. 107 УК были осуждены 60 зажиточных крестьян и 6 китайских подданных. Обнаружено 42 тыс. пудов хлебных излишков разных культур [ГААО. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 277. Л. 2 об.].

Применение чрезвычайных мер в дальневосточной деревне имело свои особенности. Эскалация репрессивного воздействия началась не сразу, а после повторного увеличения краевого заготовительного плана в апреле 1928 г., в результате чего задания для Дальнего Востока были доведены до 2 668 100 ц зерна, что в 2,2 раза больше, чем в 1926/27 г. [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 63. Л. 110; ГАПК. Ф. П-67. Оп. 1. Д. 75. Л. 8; Д. 145. Л. 19; ГААО. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 223. Л. 59]. В первую очередь это коснулось хлебозаготовителей. 13 апреля 1928 г. Далькрайком ВКП(б) направил телеграмму окружным партийным комитетам, предписывавшую «...решительно усилить нажим на заготавливающие организации в сторону полного выполнения задания» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 63. Л. 70, 88]. В районах за всеми кооперативными и кредитными товариществами устанавливалось наблюдение со стороны милиции. Начальник Покровской раймилиции Заболотский, инструктируя своих подчинённых, в этой связи предписывал провести выяснение, как развёртывается работа по хлебозаготовкам. В случае установления бездействия или халатного отношения лиц, возглавлявших ту или иную организацию, или же отдельных членов правления против них немедленно возбуждалось уголовное преследование по признакам 111 ст. УК [ГАПК. Ф. П-67. Оп. 1. Д. 154. Л. 39].

Летом 1928 г., несмотря на временное потепление политического климата в стране, связанное с отказом от открытой «чрезвычайщины» в деревне, давление на заготовителей только усилилось. Общая тональность и содержание партийных установок в отношении заготаппарата с каждым днём становились всё жёстче. Решение бюро Далькрайкома ВКП(б), направленное в адрес окружкомов и комфракций Далькрайсоюза и Дальсельсоюза 14 июля 1928 г., потребовало «...усилить контроль над хлеботорговым аппаратом, провести решительную и твёрдую кампанию за искоренение в нём недостатков и неактивности в деле хлебозаготовок путём привлечения руководителей и работников заготовительного аппарата к судебной и партийной ответственности, имея в виду, что за состояние аппарата отвечает также и сама партийная организация» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 63. Л. 116]. В ряде районов Дальнего Востока летом 1928 г. работали специальные комиссии по проверке качественного состава хлебозаготовительных кадров [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 125. Л. 32, 36]. По сведениям, стекавшимся

в информационный отдел ЦК ВКП(б), в том числе из Амурского, Владивостокского, Читинского окружкомов, Далькрайкома ВКП(б), непосредственные инспекторские ревизии хлебозаготовителей выявили отдельные факты растрат, грубости по отношению к крестьянам, преступной халатности, злостной конкуренции. Но если в июле—августе 1928 г. эти явления интерпретировались как результат *частичного* проникновения в хлебозаготовительные организации классово чуждых лиц, то в ноябре по результатам проверки состава заготовительных организаций был сделан вывод об их *значительном* засорении классово чуждым элементом [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 125. Л. 47, 56].

Осенью 1928 г. информационный отдел ЦК ВКП(б) констатировал слабую работу кооперации по хлебозаготовкам, подчеркнув, что она «...не только не является действительным организатором общественности вокруг хлебозаготовительной кампании, но в ряде случаев является тормозом к успешному развитию заготовок, смыкаясь с кулацким и спекулянтским элементом деревни» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 125. Л. 76]. Партийная вертикаль немедленно принимала эти установки к руководству в повседневной работе. В ноябре 1928 г. секретари сельских райкомов партии и руководители хлебозаготовительного аппарата Амурского округа получили личное закрытое письмо секретаря окружкома ВКП(б) Накорякова, в котором он в качестве основной причины неудовлетворительного хода заготовок (за октябрь и половину ноября было собрано всего 47 618 ц зерна, или 3,5% годового плана) назвал «расхлябанность и нездоровую конкуренцию заготовительных аппаратов, недостаточную активность партийных и советских органов» и решительно настаивал на немедленной ликвидации всеми хлебозаготовителями споров и конкуренции, подчёркивая, что «виновные в повторении дезорганизующих хлебозаготовки мероприятий будут сниматься с работы и предаваться суду» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 108. Л. 1—2]. О реализации этих угроз Накоряков сообщил в этом же месяце в личном закрытом письме секретарю ДКК (Далькрайком) ВКП(б) Перепечко. Отвечая на упрёки в излишней мягкости в отношении заготовителей, он подчеркнул: «...мы сильно, круто, почти сурово нажимаем на заготаппарат... За слабое выполнение работ по хлебозаготовкам бюро окружкома передало в прокуратуру дела на ряд работников за небрежное отношение к посылке молотильных отрядов, необеспечение их горючим — придётся наказать. Поставлено на вид четырём секретарям райкомов. Окргоргу предложено помимо штрафов отдавать под суд заготовителей за халатность, вздутие цен на хлеб, злостную конкуренцию и ажиотаж. Таким образом, постоянный контроль за их работой обеспечивается» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 108. Л. 4].

В ноябре 1928 г. по указанию Далькрайкома ВКП(б) комиссии по проверке и чистке хлебозаготовительного аппарата при окружкомов создавались повсеместно. Конкретную работу на местах должны были провести уполномоченные по хлебозаготовкам, выезжавшие в районы, совместно с райкомами партии и комфракциями райисполкомов и с привлечением комфракций кооперативных организаций и ОГПУ. В секретном письме председателям райисполкомов Владивостокского окрисполкома от 30 ноября 1928 г. предписывалось особенно тщательно проверять состав опера-

тивных работников: агентов по заготовкам, находившихся на периферии, председателей и членов правлений организаций потребительской и сельскохозяйственной кооперации, деятельность которых оценивалась с точки зрения их способности проводить политику партии по отношению к крестьянству. Все лица, подлежащие устранению, должны быть немедленно уволены, в отношении руководства кооперативов решения проводились через правления. Дела на лиц, замеченных в злоупотреблениях, передавались в прокуратуру. Все материалы на работников, подлежавших чистке, направлялись в окружкомы [ГАПК. Ф. П-67. Оп. 1. Д. 185. Л. 158].

На ОГПУ возлагался контроль, чтобы в дальнейшем снятые с работы не допускались к хлебозаготовкам. Одновременно шли проверки аппарата окружных организаций [ГАПК. Ф. П-67. Оп. 1. Д. 152. Л. 32]. В конце ноября — декабре 1928 г. результаты работы комиссий регулярно заслушивались на заседаниях окружкомов и Далькрайкома ВКП(б), однако состояние известных на сегодняшний день источников не позволяет оценить масштабы чисток. Имеются лишь отрывочные сведения. Так, решением комиссии Ивановского РИКа от 9 декабря 1928 г. от работы по хлебозакупке были отстранены член правления Ивановского кредитного товарищества И. Евтух, заготовитель Николаевского мелиоративного товарищества Макаренко, заготовитель по с. Снегуровке Дьяченко [ГАПК. Ф. П-67. Оп. 1. Д. 185. Л. 167]. Если распространить эти данные на весь Дальний Восток (минимум 3 человека на район), то получится, что только осенью 1928 г. в низовых структурах было вычищено не менее сотни человек. 28 декабря предварительные итоги чистки краевого советско-хозяйственного и кооперативного аппарата подвёл Далькрайком ВКП(б). Всего по таможне, Госбанку и Далькрайсоюзу постановлениями секретариата ДКК ВКП(б) подлежало снятию и перемещению 139 чел. Снято с работы и перемещено на 25 декабря 1928 г. 99 чел., в том числе по ДКС из 29 чел., намеченных к вычищению, снято с работы 11. Эти результаты были признаны неудовлетворительными, и комфракция ДКС обязывалась выполнить решение секретариата к 1 апреля 1929 г. Одновременно орготделу Далькрайкома совместно с комфракцией Крайсовпрофа и РКИ было поручено разработать план проведения дальнейшей чистки хозяйственно-административного, торгового и кооперативного аппаратов в порядке открытой проверки с привлечением широких масс членов профсоюзов [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 97. Л. 142].

Освобождавшиеся места должны были занять новые выдвиженцы, в первую очередь члены комфракций заготовительных организаций [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 96. Л. 1]. В целях подготовки новых кадров на Дальнем Востоке уже с лета 1928 г. работали курсы по переподготовке заготовителей, созывались окружные и районные хлебные совещания [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 125. Л. 32, 36].

Ужесточение контроля над заготовительным аппаратом самым непосредственным образом затронуло рядовых кооператоров, сельских ответственных работников. В качестве одного из инструментов социально-политического регулирования в деревне использовались выборные кампании, к ходе которых «неблагонадёжное» население лишалось избирательных прав.

В фондах РГИА ДВ хранятся документы лишенцев конца 1920-х гг., подававших ходатайства о восстановлении в гражданских правах. Среди них есть и дела рядовых кооператоров. Показательна история П.А. Аверичева, в 1926—1928 гг. работавшего председателем Ларинского селькредкома Рухловского района Зейского округа. Посёлок Ларинское в 1920-х гг. — это своеобразные ворота, через которые проходили все, кто направлялся в золотодобывающий район Томмот. Село было наводнено приискателями, стремившимися на заработки и имевшими немалые по меркам крестьянства деньги. Местное население старалось извлечь максимальную выгоду из положения своего села: практически каждый дом принимал постояльцев, обеспечивал их обедами, выпекал для приискателей хлеб, организовывал стирку белья, приторговывал ходовым товаром. Активно разворачивались и частники, открывавшие бани, столовые, торговавшие из-под полы спиртным, снабжавшие посёлок необходимыми товарами массового спроса [10, с. 3]. Аверичев в своей работе учитывал данные обстоятельства: кроме традиционной для кресткомов организации помощи крестьянам (доставка предметов первой необходимости и распределение их между малоимущими, выдача краткосрочных ссуд нуждающимся и т.п.) он стал организатором грузоперевозок на золотые прииски, в результате чего Ларинский крестком создал кооператив «Грузовоз», заключивший договоры на перевозки с «Союззолотом».

Деятельность кооператива положительно оценивалась как односельчанами, получившими гарантированный дополнительный заработок, так и местными представителями «Союззолота», которые отмечали «...большую помощь в деле организации перевозок и в деле установления нормальных взаимоотношений с крестьянским населением». Тем не менее в 1928 г. П.А. Аверичев был лишён избирательных прав, что сразу повлекло за собой отстранение от работы и лишение его семьи средств к существованию. Основанием стало занятие золотопромышленностью и применение наёмного труда в целях обогащения до революции. В дальнейшем (не ранее 1929 г.) решением Зейского окружного суда он был приговорён к двум годам лишения свободы в ИТЛ за допущение растрат и задолженности [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 83. Л. 7, 11, 13, 29].

В течение 1929—1930 гг. П.А. Аверичев пытался бороться за своё доброе имя, обращаясь с ходатайствами о пересмотре дела в различные инстанции. В деле имеются положительные отзывы о П.А. Аверичеве и его деятельности от общего собрания членов Ларинского селькредкома (октябрь 1928 г.), общего собрания совторгслужащих (январь 1929 г.), педсовета Ларинской школы 1-й ступени (декабрь 1928 г.), старожиллов села Ларинское (январь 1929 г.), от заведующего КСП М.В. Романовского (июнь 1928 г.), заключение ревизионной комиссии (октябрь 1927 г.) [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 83. Л. 2—7, 10—12, 14]. Однако президиум Зейского окружного исполнительного комитета 7 февраля 1929 г. отказал Аверичеву в восстановлении в избирательных правах на основании того, что «своей лояльности к советской власти он не доказал». Резолюция окружкома выдержана в резких негативных тонах, где все заслуги Аверичева тракуются с прямо противоположным знаком — нарушение классовой линии при выдаче кредитов, нарушения счетоводства, халатность, разбазаривание общественных средств.

В сопроводительном письме Зейского окрисполкома в Далькрайисполком Аверичев обвиняется в организации писем в свою поддержку. Тем не менее окрисполком вынужден был признать, что «некоторая доля правды» в ходатайствах присутствует [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 83. Л. 8—9, 17].

Только вмешательство правления «Союззолота» (г. Москва) вынудило краевые власти направить дело Аверичева на пересмотр. В письме центрального правления «Союззолота» местному ларинскому агентству и Президиуму Далькрайисполкома подчёркивается, что Аверичев честно выполнял условия договора о бесперебойном снабжении приисков в 1926—1928 г., а задолженности, которые ему инкриминируются, в 1929—1930 гг. были допущены другим лицом, так как в это время Аверичев уже не являлся председателем кресткома и не участвовал в выполнении договоров. В результате Президиум Далькрайисполкома направил дело на пересмотр в краевую прокуратуру [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 83. Л. 29—30]. Итог, как мы теперь понимаем, оказался неутешительным. В январе 1931 г. краевая прокуратура в ходатайстве отказала. Сообщения об этом решении были направлены в Далькрайисполком и Свободненскую тюрьму, где и содержался П.А. Аверичев [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 83. Л. 32—34].

Во время перевыборной кампании в Советы в 1928 г. был лишён избирательных прав житель села Пузино Екатерино-Никольской волости И.О. Богомятков, которому инкриминировались «...активные выступления против Советов в 1921—22 гг. путём организации и участия в военных заговорах, срыв телефонной связи во время белобандитского выступления в селе Пузино, организация налётов на бывших (так в документе) членов компартии» [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 133. Л. 23]. Между тем в 1920-е гг. И.О. Богомятков активно участвовал в кооперативной работе, в 1922 г. он стал организатором Пузиновского общества потребителей, до 1925 г. состоял на выборной должности члена правления, в 1926—1928 гг. служил по найму счетоводом общества, в 1924—1926 гг. был членом ревизионной комиссии Екатерино-Никольского сельскохозяйственного кооперативного товарищества, в 1926 г. вступил в сельскохозяйственную артель «Победа» [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 133. Л. 8, 19—21].

В защиту Богомякова выступил Пузиновский сельсовет, который неоднократно ходатайствовал о восстановлении его в избирательных правах, подчёркивая активную общественную работу и то, что «антисоветские выступления Богомякова проявлялись в прошлом... и с тех пор не наблюдалось подобных случаев» [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 133. Л. 3]. Пытались поддержать лишенца и простые односельчане. Например, Иван Матафонов утверждал, что в 1919 г. Богомятков помог ему избежать мобилизации к белоказакам, предупредив об обысках в селе. Упоминали заступники и бедняков хозяйства Богомякова, где на восемь душ приходилась одна лошадь, одна корова, два телёнка [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 133. Л. 12 об., 17]. Однако, как и в случае с Аверченко, эти аргументы не были приняты во внимание властями. В декабре 1928 г. в восстановлении избирательных прав Богомякову отказали Пузиновский сельизбирком и Екатерино-Никольский райизбирком. К осени 1929 г. дело дошло до Амурского окружного исполнительного комитета, который в обязательном порядке запрашивал мнение ОГПУ по подобным вопросам. Служебная

записка Амурского окружного отдела ОГПУ от 24 сентября 1929 г. характеризует Богомягкова как антисоветского элемента и рекомендует воздержаться от восстановления его в избирательных правах. В итоге 10 октября 1929 г. комиссия Амурского окружного исполнительного комитета отказала Богомягкову в его ходатайстве [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 133. Л. 5, 13—14]. Интересно, что сам он в исковых заявлениях связывал лишение его избирательного права не с событиями времён Гражданской войны, а со своей кооперативной деятельностью: «...служба в кооперативе, я нажил себе немало врагов, которые, по всей вероятности, завидовали моей службе и всячески старались меня изгнать, давая на меня вымышленный материал обвинения... сельизбирком многих лишил прав беспричинно, лишь из-за личных счётов, а обвинения дал голословно» [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 133. Л. 7—10].

Каждый из обвиняемых повсеместно пытался защитить своё честное имя и противостоять необоснованным репрессиям. В октябре 1928 г. группа заготовителей Гродековского района Владивостокского округа (члены партии Лонцых, Сидорский, Давыденко, Фирсов) направили заявление в адрес Гродековского райкома ВКП(б) с копиями во Владивостокский окружком партии, Далькрайком ВКП(б), окружную рабоче-крестьянскую инспекцию, РКИ, прокурору, окрторг, А. Микояну, в газету «Правда», гродековскому уполномоченному ГПУ, где попытались опротестовать обвинения, предъявленные им помощником прокурора по Никольскому району т. Петровым в приёмке сорного и влажного зерна, небрежном хранении хлеба, выдаче денег без доверенности, неисполнении постановлений хлебной инспекции. В заявлении заготовители указали, что данные обвинения ни на чём не основывались и не соответствовали действительности. Авторы письма привели примеры незаконных действий самого Петрова во время посещения района. Как превышение полномочий, они расценили и его заявление на заседании РИКа о том, что «через месяц, два мы вынуждены будем применить продрозвёрстку по примеру 1921 г.», сделанное в присутствии большого числа беспартийных и без предварительного обсуждения вопроса в райкоме партии. Вся деятельность Петрова в районе убедила рядовых работников в том, что его целью была «дискредитация хлебозаготовительной сети низовки». Гродековские заготовители просили вышестоящие инстанции назначить комиссию для срочного расследования всех обстоятельств дела и подчёркивали, что при создавшемся положении работать становится невозможно. Данное заявление направили в окружную прокуратуру, которая и должна была провести проверку существования заявления и работы заготовителей [ГАПК. Ф. П-67. Оп. 1. Д. 185. Л. 75—77].

Тенденция к ужесточению социально-политической ситуации в конце 1920-х гг. сегодня ни у кого не вызывает сомнений. Очередной виток ужесточения контроля над ответработниками инициировало постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 15 августа 1929 г., давшее директиву «на проведение решительных мер репрессий в отношении городских и связанных с городами спекулянтов хлебными продуктами», «немедленное отстранении от должностей всех уличённых в конкуренции хлебозаготовителей», снятие с работы и предание суду руководителей колхозов, «уличённых в задержке хлебных излишков или продаже их на сторону» [11, с. 223]. В этих усло-

виях судьба наших героев была predetermined. Статистика жалоб и заявлений граждан Владивостокского округа, лишённых избирательных прав (1928—1929 гг.), показывает, что из 711 ходатайств 435 (61,2%) были отклонены, восстановлено в избирательных правах всего 102 (14%) жалобщика. Остальные дела оставались на рассмотрении, но шансов получить положительное решение было мало [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 715. Л. 3—66]. Не лучше обстояли дела и в других районах Дальнего Востока.

Таким образом, свёртывание нэпа в конце 1920-х гг. сопровождалось государственной монополизацией хлебных ресурсов. Важной частью этого процесса и одновременно условием его успеха было установление полного контроля над государственными и кооперативными хлебозаготовителями. Поэтому репрессии против хлебозаготовителей, рядовых кооператоров не ослабевали даже в период временного потепления политического климата. Однако в описанных выше случаях обращает на себя внимание то, что в конце 1920-х гг. люди пытались использовать легальные способы защиты своих прав и доброго имени. Конечно, более активно использовали эти возможности лица, имевшие относительно высокий социальный и образовательный статус. К их числу можно отнести сельских низовых управленцев и работников кооперативной сети. В это время общественность и государственные организации ещё не боялись выступать в защиту необоснованно обвинённых. Эти факты нужно учитывать при анализе социально-политического развития страны на исходе нэпа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Роголина Н. В поисках меры: (некоторые уроки российских реформ в XX в.) // Вопросы экономики. 1996. № 7; Роголина Н. Аграрные реформы в России 1910—1920-х гг.: (к 80-летию введения новой экономической политики) // Вопр. экономики. 2001. № 8; Нэп: завершающая стадия: соотношение политики и экономики: сб. ст. / отв. ред. П. Дмитриенко. М., 1998; Нэп: приобретение и потери. М., 1994; Сенявский А.С. Конференция по истории новой экономической политики // Отеч. история. 2003. № 3; Радаев В.В. Что такое рынок: экономико-социологический подход // Экономическая социология. 2006. Т. 7, № 5. С. 14—28. Электронный ресурс <http://www.ecsoc.mses.ru> (дата обращения: 09.06.2007); Россия нэповская / С.А. Павлюченков и др. М.: Новый хронограф, 2002.
2. Норт Д.К. Институты и экономический рост: историческое введение. 1993. Т. 1. Вып. 2.
3. Головин С.А. Изменение социальной структуры Дальнего Востока СССР: 1923—1929 гг. М.: МПГУ, 2008.
4. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
5. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).
6. РГИА ДВ (Рос. гос. арх. Дальнего Востока).
7. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
8. ГААО (Гос. арх. Амурской области).
9. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921—1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.
10. По пути к золоту: Как живут в Ларинском посёлке // Дальневост. путь. 1925. № 97.
11. Герман Е.Н. Хлебозаготовки в Сибири накануне коллективизации (кампании 1928/29 и 1929/30 гг.) // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890—1920-е гг.): сб. науч. тр. / под. ред. д-ра ист. наук В.А. Ильиных. Новосибирск, 2004.